

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 141.2

doi: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-23-29

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

© **Валентина Александровна Ковальчук**

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия

Vkovalchuk28@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ типологизации модернизации в социально-философской мысли второй половины двадцатого – начала двадцать первого веков. Выделено четыре разновидности таких типологизаций. Первая – на основе степени прогрессивности модернизации. Вторая – на основе генезиса модернизации. Третья, предполагающая дифференциацию по разновидностям культур, адаптирующих модернизационные достижения. Четвертая, «полимодернизационная», созданная на основе широко понимаемого контекстуализма и исходящая из принципиальной гетерогенности модернизации. Делается вывод о том, что первые три варианта типологизации модернизации адекватны индустриальному этапу развития человечества. «Полимодернизационный» вариант типологизации наиболее релевантен постиндустриальным тенденциям, а также сопровождающей их глобализации, и в наибольшей степени отвечает интересам глобальной и национальной безопасности.

Ключевые слова: модернизация, типологизация, глобализация, критерий, тип, культура, цивилизация.

Для цитирования: Ковальчук В.А. Типологизация модернизации как социально-философская проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100. № 5. С. 23-29. doi: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-23-29

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Typologization of modernization as a socio-philosophical problem

© **Valentina A. Kovalchuk**

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Vkovalchuk28@mail.ru

Abstract. The article analyzes the typologization of modernization in the socio-philosophical thought of the second half of the twentieth – early twenty-first centuries. There are four varieties of such typologizations. The first is based on the degree of progressiveness of modernization. The second is based on the genesis of modernization. The third involves differentiation by varieties of cultures that adapt modernization achievements. The fourth, “polymodernization”, created on the basis of widely understood contextualism and proceeding from the fundamental heterogeneity of modernization. It is concluded that the first three variants of the typologization of modernization are adequate to the industrial stage of human development. The “polymodernization” variant of typologization is most relevant to post-industrial trends, as well as the globalization accompanying them, and meets the interests of global and national security to the greatest extent.

Key words: modernization, typologization, globalization, criterion, type, culture, civilization.

For citation: Kovalchuk V.A. Typologization of modernization as a socio-philosophical problem. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 100. No 5. P. 23-29. doi: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-23-29.

Введение

Типологизация модернизации имеет конкретно-историческую обусловленность. Она объясняется необходимостью использования ценностного подхода для выявления критериев модернизации, которые, в силу этого, темпорально и социально относительны. Поэтому проблема типологизации модернизации является достаточно актуальной с точки зрения установления степени ее адекватности социально-культурным реалиям современ-

ности, ее релевантности тенденциям «второй модернизации» и глобализации, а, следовательно, ее эвристической значимости для определения оптимальных целей, средств и форм проведения национальной модернизации.

Обсуждение

Первоначально, на излете существования индустриальной цивилизации, который приходится на 1950-е гг., модернизацию дифференцировали на «образцовую» и «подражательную». Критерием здесь выступала фактически прогрессивность, ценность того или иного общества для исторического процесса. Общества, следовательно, делились на развитые и неразвитые, точнее, поскольку модернизации альтернативы не предполагалось, развитые и «недоразвитые». Кроме того, здесь в качестве критерия модернизации фигурировали: сила, власть, способность навязывания образцов ценностей и институтов другим, менее прогрессивным, сообществам. Зародышем такого деления стала духовная основа появления классической индустриальной цивилизации Запада – европоцентризм и его идейные выразители – философия просвещения и немецкая классическая философия.

Последние искали в условиях дихотомии между Востоком и Западом критерии прогресса в принципах европейской, западной культуры и организации социума. Недаром Ф. Фукуяма, в начале своей научной карьеры являвшийся безусловным сторонником универсалистской, конвергентной модернизации как ценностной унификации мира, обосновывал свою концепцию «конца истории» принципами гегелевской философской системы (которая, как известно, своей телеологической ограниченностью противоречила его безграничному методу познания). Эту линию продолжили К. Маркс и М. Вебер, поделившие капитализм на «реальный» (западный), обусловленный исключительно особенностями западной цивилизации, и «авантюрный» (восточный).

Фактическими заказчиками классической теории модернизации и основанной на ней типологизации (появившейся в начале «холодной войны» и, в немалой степени, детерминируемой ею) стали американское государство и американская предпринимательская элита. Они в послевоенных условиях пытались, с одной стороны, крепче привязать к себе Западную Европу, продемонстрировав общность и прогрессивный характер западных ценностей, норм (исключив из них недавний фашизм, объявив его патологией модернизации). С другой – продемонстрировать странам «третьего мира» преимущество западной модели развития перед моделью построения коммунистического общества (которая также трактовалась как отклонение от модернизационного образца, влекущее сугубо отрицательные последствия для социума).

В связи с этим предполагалось, что страны третьего мира находятся в своеобразной точке бифуркации, когда им надо выбрать прогрессивный путь «первого мира» (модернизация) или регрессивный – «второго» (коммунизм). Идеал связывался с конкретно-историческими процессами, происходившими в мире Запада. Он сравнивался с реальностью. Феномены реальности, отклоняющиеся от идеала (традиционная экономика, традиционные социальные группы, традиционное образование, традиционная политическая система и, самое главное, традиционные ценности), должны были быть элиминированы. Глубинные основы социума и его культуры предполагалось заменить западными аналогами. На этой основе должна была быть сформирована новая социально-культурная идентичность.

Сотрудничество со странами Запада (в первую очередь – с США) объявлялись залогом успешности этого процесса. Однако неясность по поводу соотношения целей, критериев и средств модернизации приводила творцов этой концепции к бурным спорам. Одни полагали, что они идентичным западным образцам. Другие усматривали возможность прихода к сходным результатам путем приспособления западных институтов к степени политической мобилизации (С. Хантингтон) или функциональной дифференциации общества (Г. Алмонд). Не было единства и в трактовке приоритетных факторов, ведущих к модернизационным изменениям. Одни (У. Росту) полагали их исключительно экономическими, вторые (К. Дейч, Р. Инглхарт) – ценностно-ориентационными, третьи – социальными (Т. Парсонс). Однако нор-

мативный универсализм, телеологизм, америкоцентризм составляли три кита, на которых базируется подобная типология. Не подвергался сомнению и целостный, системный характер модернизационных преобразований.

Такая линейная, универсальная, западнцентристская типологизация модернизации столкнулась с многочисленными проявлениями своей неадекватности на этапе перехода от индустриального к информационному обществу. Невозможность полного культурного заимствования одними цивилизациями достижений других, отрицательные последствия подобного заимствования для целостности общества, опасность утраты своих культурных и исторических корней, угроза политической стабильности, упрочение отсталости как следствие западного влияния, экспорт негативных ценностных феноменов – все это делало модернизацию по западным лекалам «неполной, рискованной, фрагментированной» [3, с. 93]. Становилось все более очевидным, что именно эти негативные явления провоцируют раскол мира на Север и Юг, продуцирующий в свою очередь глобальные проблемы современности, создавая прямую и явную угрозу для мировой стабильности и безопасности.

Второй критерий деления (появление которого также связано с трактовкой реалий позднего индустриализма) – это генезис модернизации. Сторонники этого направления полагают, что модернизация вызвана «внутренними или/и внешними вызовами современности» [4, с. 6]. Согласно этому критерию модернизации можно дифференцировать, соответственно, на органические, естественные, спонтанные, которые обусловлены внутренними вызовами и импульсами, и, напротив, неорганические, догоняющие, спровоцированные внешними факторами и экзогенными импульсами. Возможно и сочетание этих факторов (например, внешнее давление может сочетаться с проблемами массовой бедности, перенаселенности и т.п.).

Такой подход делает акцент на сознательность, целенаправленность модернизации. Он утверждает, что чем больше такая осознанность и основанная на ней воля к модернизации, тем вероятнее ее успех, выше прогрессивные показатели и скорость. Первый тип характеризуется быстрыми, но постепенными темпами, второй – более медленными, но резкими и радикальными преобразованиями. Первый вариант отличается от второго большей управляемостью, предсказуемостью. В силу естественности органического типа все сферы жизни такого общества подвергаются модернизации более-менее одновременно. В другом случае какие-то сферы жизни общества модернизируются быстро, другие – медленно. То есть имеет место «асинхронность» этих процессов [6, с. 14]. Как правило, для первого типа характерен интенсивный, для второго – экстенсивный путь развития. Логическое следствие этого пути – незавершенность модернизации, распространение (иногда) модернизационных преобразований не на все сферы жизни общества.

Для первого варианта характерно первоначальное изменение духовной сферы жизни общества, продолжившееся политическими преобразованиями и завершившееся эволюцией социально-экономической жизни общества. Для второго – первоначальные изменения в технико-экономической сфере, затем – в социальной, далее – в политической и, наконец, в духовной, которая остается наименее подверженной модернизационной эволюции. Естественный тип модернизации предполагает последовательное инновационное развитие, догоняющий – мобилизационное, которое, в силу невозможности постоянной мобилизации ресурсов, необходимости «переваривания» обществом модернизационных новшеств, приобретает характер дискретный. В первом случае в качестве внутренних факторов выступает вызов среды (противоречие между уровнями ресурсов и потребностей) и изменения в силу этого ментальности, главным образом «экономической» [5, с. 181]. Второй вариант вызван необходимостью защиты (в широком смысле слова) от более сильных (то есть, по сути, модернизированных) государств.

Слабой стороной такой концепции является аморфность представлений о том, что собой представляет «внешнее давление» и невозможность в связи с этим выделить типы в чистом виде. Ведь интенсификация в процессе технико-технологического прогресса экономического развития и вызванное им совершенствование всех остальных сфер жизни общества

езде произошли, по признанию самих сторонников такого подхода, под «большим или меньшим влиянием определенных внешних сил» [4, с. 7]. Кроме того, эта типологизация, как и предыдущая, недостаточно учитывает своеобразие современности и будущности каждого конкретного социума. И здесь, следовательно, творческая альтернативность, представляющая собой «веер» ответов человечества на вызовы постиндустриального мира, не находит своего концептуального обоснования.

Третье основание типологизации модернизации, появившееся как реакция на внятную к концу шестидесятых годов прошлого столетия неадекватность национальному развитию первого подхода и на признание возможности несистемной модернизации, характерное для подхода второго, – это культурное своеобразие обществ, вовлеченных в модернизационные процессы. Подобная типологизация породила термин «тип модерности» [3, с. 93], относящийся к конкретному социуму со своей культурной традицией. Исследования в парадигме такой типологизации сосредоточены на своеобразии процесса усвоения модернизационных феноменов, на возможности достижения социального контроля и релевантного историческим условиям культурного симбиоза.

Они являются скорее не социологическими (характерными для сторонников первой и второй типологизаций), а сравнительно-историческими, формулирующими локально-темпоральную, асинхронную специфичность модернизации и определяющую ее «коридор возможностей». Здесь «успех модернизационных процессов зависел от гармоничного сочетания универсальных ценностей, традиций и обычаев общества» [9, с. 91]. Акцент делался на потенциальный и процессуальный аспекты модернизационных достижений под лозунгом «традиция (при умелом ее использовании политической элитой) способствует модернизации». Такая типологизация представляет собой анализ модернизации как проявления ее содержания и формы. Полагая, что экономические, политические и правовые атрибуты модернизации универсальны, что актуальным для человечества является «линейное изменение, движение к определенной цели» [3, с. 94], философы этого направления признавали за культурой лишь статус особенных форм их реализации.

Как следствие, такой подход представляет собой возможность выявления и абсолютного, и относительного аспектов модернизации, при преобладании, однако, значения первого в качестве идеального, образцового. По большей части для такого подхода характерен экономический либо технико-экономический детерминизм. Он заключается в том, что модернизация трактуется как процесс уменьшения зависимости общества от природы за счет интенсификации их взаимодействия, вызванный нарастанием противоречий между потребностями социума и наличными ресурсами. Что касается культурного своеобразия, то оно трактуется лишь в качестве аксиологического фактора, обуславливающего необходимость адаптации модернизационных институтов, ценностей и придания им легитимности в рамках существующей традиции.

Таким образом, ориентация на западные образцы полностью сохранялась, что сужало возможность адекватного реагирования на разнообразные вызовы «второго модерна», включая глобализацию. Слабой стороной такой концепции являлось также игнорирование возможности утраты социумом своей традиционной основы в процессе модернизации и тем самым дестабилизации, перспективы его не прогрессивной трансформации, а снижения жизнеспособности и, даже, гибели.

Этот подход, учитывающий своеобразие модернизируемых обществ, закономерно привел к появлению четвертого подхода, условно именуемого «полимодернизационным». Его генезис хронологически совпал с появлением первых признаков «второй модернизации» – «третьей волны» мирового исторического развития, информационного или постиндустриального общества, скачкообразного нарастания глобализационных тенденций развития человечества – и относится приблизительно к рубежу 1970–1980-х гг. Этот подход увязывал модернизацию с цивилизационными особенностями того или иного конкретного общества, провозглашая принципиальную гетерогенность и антикогерентность модернизации. Его глашатаями выступили Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон, Й. Терборн, В.Г. Федотова.

В понимании этих философов для каждой цивилизации сугубо индивидуальны (поскольку цивилизации являют собой предел культурной идентичности и их историческое развитие самобытно) и механизмы, приводящие к современному социальному порядку, и сам этот порядок. Они превращаются в локальные способы развития, закономерные для эпохи глобализации. Постулировался тезис о том, что происходит не заимствование западной модели модерна, а взаимообогащение «современностей». В силу этого не только западные достижения, ценности и институты являются достоянием современности. Да и сам Запад становится, по мнению сторонников такого подхода, все более плюралистическим.

Подобная парадигма предполагает приоритет ценностной, а, следовательно, символической составляющей той или иной культуры, институционально представленной определенной цивилизацией, поскольку, по мнению, например, Ш. Эйзенштадта, «существует достаточно тесная связь между столь объемлющими принципами институциональной организации и реагирования, с одной стороны, и фундаментальными культурными ориентациями – с другой» [11, с. 72]. Иными словами, любой, в том числе технико-экономический, прогресс обязательно должен сопрягаться с теми традиционными смыслами, которые увязываются конкретными цивилизациями с основными направлениями этого прогресса, с ответами на главные вопросы человеческого существования, которые обеспечивают само это существование. Он должен предполагать компромисс (политика) между трансцендентным (духовная сфера) и мирским (технико-экономическая сфера).

Однако исходя из этого же тезиса, культурная традиция становится приемлемой только до тех пор, пока содействует инновации, а не препятствует ей. Продуктивность достижения антитрадиционалистских целей с опорой на традиционные ценности и институты предполагает наличие таких целей, определенных паттернов. Следовательно, предполагаются некоторые общие признаки, качества, черты модернизации. Прежде всего это автономия и рефлексивное, протестное начало личности, идеи свободы, равенства, прогресса, необходимости господства над природой. Используя терминологию профессора М.Я. Сарафа эти феномены возможно определить в качестве «культурной инновации», то есть изменений, расширяющих пространство свободы во всех сферах жизни общества. Она приводит к «культурной модернизации» как перестройке системы культуры под влиянием указываемого инновацией направления.

Однако лишь том случае, когда эта перестройка «происходит на основе сохраняющихся в неизменности типобразующих факторов культуры», приводящих культуру к ее «новому типу» [7, с. 124–125], увлекающему за собой социум. Поскольку «становление личностного потенциала происходит в процессе инкультурации и социализации в результате усвоения и приобщения к ценностям и нормам наличной социокультурной реальности» [8, с. 146] модернизация формирует нового человека с новым отношением к природе (эффективность использования ресурсов), совместной деятельности (максимальное стимулирование и сотрудничество в процессе производства), познанию (нацеленность на эффективную рационализацию). Эта позиция, соответственно, обуславливает поиск путей «эффективного сочетания институциональных и ценностных структур» [2, с. 655].

Эвристический потенциал подобного подхода заключается в «...выявлении и анализе аксиологических особенностей того или иного конкретного общества и, соответственно, в рациональной аргументации оптимальной для него коррекции с общим (модернизационным) вектором развития человечества» [10, с. 47]. Иными словами, происходит не поиск изолированной модели модернизации, а скорее поиск наиболее удачной реализации векторных направлений и рамочных условий модернизации (рационализация, индивидуализация, технологизация, демократизация), порождающий «множественность» модернизаций как ее конкретных моделей. Фактически эта множественность выражается в различной институционализации принципов модерна, различной мере открытости социума, и, самое главное – в различной эффективности сочетания традиционных и модернизационных ценностей и социальных институтов.

В связи с этим среди носителей незападных модернизационных моделей распространяется мнение, что «только культура может явиться дополнительным импульсом ... для экономического развития страны» [1, с. 78]. Повсюду разрабатываются разнообразные научные и идеологические программы, цель которых – не только максимально интенсифицировать развитие своего национально-государственного образования на основе исторических традиций и ценностного единения, «стремления утвердить приоритет своей культуры в самосознании народа» [1, с. 79], но и усилить его роль в регионе со сходными цивилизационными характеристиками, обосновав его модернизаторский потенциал. Причем попытки культурной изоляции и попытки подменить культурную традицию чисто религиозной обуславливают крах таких начинаний. Это, на наш взгляд, вызвано следующим обстоятельством: так как формирование нации в качестве сплоченной политико-правовой общности есть следствие модернизации, то прежде чем реализовывать национальные интересы их необходимо сформировать на основе определенного «минимума модернизации», ее «векторного каркаса».

Выводы

В целом «полимодернизационный» подход к типологизации модернизации затрудняет четкую классификацию моделей модернизации, однако не отрицает модернизацию как вектор развития. Он даже предполагает, что институциональные констелляции классической европейской модернизации позапрошлого столетия преобладают в модернизированных сообществах, что такие составляющие модернизации как соблюдение прав, свобод человека и непрерывные технологические инновации становятся основой модернизированных обществ, обеспечивая их национальную безопасность и возможность устойчивого развития в условиях глобализации.

Однако универсалистский аспект модернизации здесь понимается в первую очередь как общий принцип межцивилизационного взаимодействия в полицивилизационном мире современности и будущего. В силу этого такой подход явно и доказательно демонстрирует то, что полимодернизационная типологизация, обосновывающая нелинейное становление современности, в наибольшей степени подходит для анализа «второй модернизации». В связи с этим представляется, что первые три варианта модернизации вполне адекватны предыдущему периоду развития человечества – периоду до формирования основ информационного или постиндустриального общества. Четвертый, «полимодернизационный» вариант типологизации, созданный на основе широко понимаемого контекстуализма, релевантен условиям современности, глобализационному тренду «второй модернизации» и в силу этого в наибольшей степени соответствует потребностям устойчивого развития мира, отдельных регионов и государств, реализации национальных интересов.

Список источников

1. *Вартаньян Э.Г.* Нравственный и ценностный мир Ирана конца XX – начала XXI в. в контексте концепций «культурное наследие» и «диалог цивилизаций» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 77–88.
2. *Иванов А.В.* «Множественные современности»: диалектика единства и многообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 654–659.
3. *Ким О.В.* Теория модернизации: между европоцентризмом и множеством модерностей // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 89–94.
4. *Новиков А.В.* О модернизации как особой форме развития общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 17–20.
5. *Новиков А.В.* Экономическое устройство России: ментальные предпосылки, специфика и природные условия // Гуманитарий юга России. 2016. № 1. С.178–192.

6. *Самохин К.В.* Такая разная модернизация: типологии модернизационного развития в современных российских исследованиях // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 11–17.
7. *Сараф М.Я.* Типология культурных инноваций // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 121–125.
8. Философия самореализации личности в современной культуре: монография / Ю.Н. Ворожко, Е.Е. Несмеянов, А.М. Руденко. Под общ. ред. А.М. Руденко. Новочеркасск: Лик, 2015. 168 с.
9. *Хожиев Т.Н.* Анализ проблем теории модернизации (от истории к современности) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 45. С. 90–94.
10. *Шестаков Ю.А.* Проблема ценности истории в работе Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3(82). С. 44–48.
11. *Eisenstadt S.* The axial age breakthroughs – their characteristics and origins // The Origins and Diversity of Axial Civilizations. Albany, 1986. P. 2. 600 с.

References

1. *Vartanyan E.G.* The moral and value world of Iran of the late XX – early XXI century in the context of the concepts of “cultural heritage” and “dialogue of civilizations” // Bulletin of the Volga-Gradsky State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations. 2020. Vol. 25. No. 5. P. 77-88.
2. *Ivanov A.V.* “Multiple modernities”: dialectics of unity and diversity in the era of globalization // Fundamental Research. 2014. No. 6-3. P. 654-659.
3. *Kim O.V.* Modernization theory: between Eurocentrism and a multitude of modernities // Bulletin of Tomsk State University. History. 2012. No. 1 (17). P. 89-94.
4. *Novikov A.V.* On modernization as a special form of development of society // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. 2016. No. 2. P. 17-20.
5. *Novikov A.V.* The economic structure of Russia: mental prerequisites, specifics and natural conditions // Humanities of the South of Russia. 2016. No. 1. P.178–192.
6. *Samokhin K.V.* Such a different modernization: typologies of modernization development in modern Russian studies // Bulletin of the Tambov University. Social Sciences series. 2017. Vol. 3. No. 3 (11). P. 11-17.
7. *Saraf M.Ya.* Typology of cultural innovations // Space and Time. 2015. No. 3 (21). P. 121-125.
8. Philosophy of self-realization of personality in modern culture: monograph / Yu.N. Vorozhko, E.E. Nesmeyanov, A.M. Rudenko. Under the general editorship of A.M. Rudenko. Novocheckassk: Lik, 2015. 168 p.
9. *Khozhiyev T.N.* Analysis of the problems of modernization theory (from history to modernity) // Collections of conferences of SIC Sociosphere. 2014. No. 45. P. 90-94.
10. *Shestakov Yu.A.* The problem of the value of history in the work of F. Fukuyama “The end of history and the last man” // Humanities and socio-economic Sciences. 2015. No. 3(82). P. 44-48.
11. *Eisenstadt S.* The axial age breakthroughs – their characteristics and origins // The Origins and Diversity of Axial Civilizations. Albany, 1986. P. 2. 600 p.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted 29.08.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 20.09.2023.